

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Корпус боспорских надписей. Ленинградское отделение Института истории и Института археологии АН СССР. Под ред. акад. В. В. Струве (отв. редактор), акад. М. Н. Тихомирова, докторов наук В. Ф. Гайдукевича, А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, Т. Н. Книпович, Изд-во «Наука», М. — Л., 1965, 950 стр., цена 4 р. 72 к.

Археологи, эпиграфисты, историки, занимающиеся древним Боспором, получили хороший подарок: вышло новое издание Корпуса боспорских надписей. Около 40 лет специалисты ждали этого события. Произошло это так поздно потому, что в настоящее издание включено большое количество ранее нигде не издававшихся надписей (всего Корпус содержит 1320 номеров) и потому также, что многие из бывших издателей надписей умерли, а на место их встали их ученики и продолжатели. В новом издании использованы ценнейшие замечания, дополнения и исследования, посвященные этим надписям, которые покойными учеными были оставлены в архивах научных учреждений. Все это наследие принято во внимание новыми издателями с исключительной скрупулезностью. Привлечены были также работы целого ряда ученых как отечественных, так и зарубежных, обогативших наши знания об истории Боспорского царства. Издатели поставили перед собою большую задачу и выполнили ее с честью. Каждый, кто пользуется Корпусом, может быть уверен, что в него включены все эпиграфические памятники Боспора.

Очень приходится сожалеть, что в Корпусе нет фотографий и рисунков к помещенным надписям, что обесценивает это большое научное достижение. Рассчитывать на то, что данное издание вскоре будет заменено новым, не приходится. Поэтому крайне необходимо дополнить этот Корпус альбомом с фотографиями надписей, которых, по наведенным справкам, в редакции имеется 1000. Фотографии и рисунки — совершенно необходимая часть комментариев. Это — объективный материал, дающий возможность датировать надписи лучше таких примечаний, как, например, к надписи № 733:

«ргаепомен и помен погребенного свидетельствуют о том, что надпись не древнее времени правления императора Тиберия... В действительности надпись оказывается гораздо более поздней. Ватцингер датирует II в. н. э. По характеру письма — III в. н. э.». Если бы была приложена фотография, каждый читатель мог бы сам получить представление о времени надгробия. Альбом дал бы богатый учебный материал для молодых эпиграфистов, всякие изменения в надписях нашли бы объективное отражение, рельефы не нуждались бы в описаниях, разумеется, всегда субъективных; повреждения надписей были бы ясны сами по себе, как и местные особенности. Это требование дополнить Корпус альбомом фотографий — нечто до того ясное для любого эпиграфиста, что оно не нуждается в особом пояснении. Такой альбом придаст бы сразу Корпусу совершенно современный характер, которым в нынешнем виде он не обладает: так больше не издадут.

Сейчас же вопросы о сходстве палеографии Боспора и других областей эллинистической культуры неразрешимы на основании Корпуса, так же неразрешим вопрос об импорте боспорских надписей из других стран.

В альбом необходимо поместить портреты основоположников боспорской эпиграфики, прежде всего В. В. Латышева и других: нужно отдать должное тем, кто всю жизнь свою посвятил исследованию боспорских надписей и создал целую школу. Академик Латышев читал все известные в его время надписи, помещенные в Корпусе, обсуждал повторно эти надписи с первоиздателями, собрал громадную фототеку. Он является признанным авторитетом по вопросам эпиграфики и истории Боспора.

Необходимы также фотографии горы Митридат и некоторых других характерных для Боснора местностей, богатых эпиграфическими находками.

Мешает и отсутствие археологической карты. Рекомендация в предисловии использовать для руководства карты, помещенные в ранее выходивших крупных изданиях, к сожалению, неосуществима.

Стремление издателей помещать в этом издании лишь материалы для будущих исследовательских трудов (стр. 8) мне кажется необоснованным, сами издатели часто отступают от этого стремления, являясь одновременно и исследователями.

Осуществлено это издание под редакцией покойного академика В. В. Струве, а фамилии тех, кто входил в редакционную коллегию, гарантируют добросовестность произведенной работы.

Активными исследователями явились А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, Т. Н. Книсиович, В. Ф. Гайдукевич. Большую работу по сличению издаваемых надписей с оригиналами провела А. И. Болтунова. Заслуги этих ученых в области исследований проблем советской археологии и истории ярко выступают из комментариев.

О членении Корпуса говорится в предисловии к нему. Весьма ценными являются приложения, в которые входят краткий очерк грамматики боспорских надписей, указатели имен и словарь языка этих надписей. Нам кажется, что эпиграфисты будут особенно благодарны за эти продуманные и высоко научные сводки. Много можно было бы сказать по поводу них. Богатая, до сих пор малоизученная сокровищница предстала перед нами. Она приглашает исследователей к новым открытиям в области языка и особенно в области ономастологии и негреческих языков, входящих в состав имен.

Надписи, которые в Корпусе названы «Списками имен», представляют собою иногда большие загадки. Мы имеем в виду, например, № 1179. Назначение этого списка не совсем ясно. Надпись дошла неполностью, особенно плохо сохранились сткк. 4—24, но все же то, что сохранилось, показывает, что имена отличаются от других, даже довольно близких по характеру имен в аналогичных списках, не говоря уже о том, что некоторые сочетания букв, которые в Корпусе считаются именами (например, стк. 26 — Λεσαάσα?), таковыми не являются. В некоторых строчках содержатся кроме имени и отчества еще и имя деда. Один раз (стк. 24) мы читаем λοχαγρός?, а в стк. 32 [ετρα]τηγός.

По мнению наших специалистов, Лохак и Стратег означали в таких надписях, будь это список фиаситов или другие списки, должностных лиц с жреческими функциями. Но другие лица названы в нашей надписи только по именам, так что, думается, можно отставать

и другое толкование. Я не останавливаясь на акцентах, которые якобы в этих надписях имеют особый смысл. Ударения в именах собственных придают им то или иное новое значение.

Во всей греческой литературе слово χρῶλος (стк. 28) означает «хромой»; почему в этой надписи оно должно иметь значение имени (с другим акцентом)? И в греческих, и в коптских папирусах оно известно как обозначение телесного недостатка и нигде не толкуется как личное имя. Другое слово (стк. 42) — τράγος — означает «козел», в таком же смысле мы читаем это слово в папирусах. Это, разумеется, не имя, а прозвище. Особый интерес представляет слово χρυσοχῶος (стк. 36) — «золотых дел мастер». Понимать это слово как личное имя особенно трудно, как и слово χρυσοτης (стк. 37) — «позолотчик». Все эти слова — названия профессий. Объединение людей с такими «именами» в один список является весьма неожиданным.

Несомненно также не имеет значения имени слово γναφίσκος (стк. 43); это то же самое, что κναφεός и означает занятие валяльным делом (ср. слово κναφεῖον).

Как мы видим, все это чисто производственные термины. В таком смысле мы их встречаем в любых текстах, на любом материале.

Особого внимания заслуживает слово πυλῶρος или πυλῶρος (стк. 50). Толкование его зависит от того, как понимать слово πύλη. В этом нам поможет Корпус, № 36, А, 9—10, 13 и остроумный комментарий к нему: по-видимому, слово πύλη, или πύλαι, означало на Боспоре «царский дворец». Тогда πυλῶρος — титул должностного лица, поставленного над царским дворцом. Определить функции его я не берусь, так как не знаю характера этого учреждения, но ясно, что πυλῶρος — это не имя. Я оставил в стороне выражение ἡγεομενός или ἡγεομενός, так как оно никакого специфического значения не имеет, означая вообще «начальник».

Трудно сказать, в какой степени указанные производственные прозвища отражают действительность. Но что они были определением производственной специальности, — может быть, в далеком прошлом — тех лиц, которых в нашей надписи так обозначают, — это, по-видимому, неоспоримо. Считать их именами такое же заблуждение, какое допускали папирологи до появления статей Б. Ольсона, П. В. Ернштедта и других¹.

Ведь тогда некоторые папирологи считали именами и ἀρτυμάς и κερῆς и т. д., а они — просто прозвища по прежнему

¹ B. Olsson, Die Gewerbenamen auf -ας in den Papyri, «Aegyptus», VI (1925), стр. 246—249; P. Jernstedt, Kritisch-lexikalisches, «Aegyptus», X (1929), стр. 73—80.

ремеслу, как показала Р. Кальдерини². В большом папирусе SB, 5124 встречаются прозвища различного характера, которые тоже когда-то принимались за имена, например *χορτοφάγος*. Это весьма насмешливое, по-видимому, прозвище «питающийся сеном». В эпоху эллинизма любили не только прозвища, но отдавали предпочтение таким наименованиям, которые имели насмешливый оттенок. Как бы мы ни относились к приведенным именам или прозвищам, ясно одно: перечисленные люди производят впечатление принадлежащих к ремесленной части населения, отчасти видного социального положения, либо сами они из ремесленных семейств, либо их недалекие предки занимались этими специальностями. Кроме этого, некоторые из них в общении были наделены насмешливыми кличками, высмеивающими телесные недостатки. Эти прозвища передавались из рода в род и со временем становились предшественниками фамилий. Такие фамилии, возникшие из прозвищ, обозначавших некогда специальность их носителей, известны во многих языках (например, русские Кузнецов, Столяров; немецкие Fischer, Bauer и т. д.).

Надпись № 64. Для большего уточнения личности в античном мире было принято пользоваться прозвищами. Этот обычай мы особенно часто встречаем в эллинистическом Египте, но и боспорские надписи сохранили ряд примеров. Формула записи имен не отличается от египетских. Египетские двойные имена эллинистического времени некогда были аккуратно собраны Р. Кальдерини под названием «Исследования о двойном имени в греко-римском Египте» (см. выше). Оба сопоставляемые имени связывались словами *ὁ καὶ* — «он же» или «названный», или «прозванный». В боспорских двойных именах используются той же схемой, причем первое имя дано в греческой форме, а после *ὁ καὶ* стоят обычно негреческие имена. Взаимосвязь между обоими именами на папирологическом материале иногда вполне ясна. Не делая никаких поспешных выводов, полезно иметь в виду эту связь для дальнейших штудий в области боспорских двойных имен.

Эллинистические надписи показывают, что иногда одно имя является «переводом» другого. Вот несколько примеров: P. Tebt., 241 — *Ἀσκληπιάδης ὁ καὶ Ἰμούθης*; SB, 678 — *Ἐριμῆς ὁ καὶ Μερχούριος*; SB, 7338 — *Διομαρχος ὁ καὶ Διοσκο-*

ρίδης (смысловая близость дает возможность сопоставления); Stud. Pal., XXI, 77,1 — *Αὐρήλιος Νίκων ὁ καὶ Ἀνίκητος*.

Некоторые из этих вторых имен не являются переводами первых, но близки по смыслу. Так, последний пример объединяет активное имя «победитель» с пассивным «непобедимый». В названной выше работе Кальдерини упоминает самые разнообразные случаи объединения при помощи *ὁ ἐπικαλούμενος* имен и прозвищ. Она показывает, что сопоставление осуществляется не только при помощи *ὁ καὶ* и что выражение *ὁ καὶ* скорее всего имеет то же самое значение, что и «прозванный» *ὁ καὶ λεγόμενος*, т. е. что вторая часть этого сопоставления является прозвищем. Эти прозвища имеют самые различные значения: это могут быть обозначения ремесла (как мы уже пытались показать на примере с надписью № 1179) или второе имя указывает на место происхождения, телесные недостатки и т. д.

Почему появляются прозвища? Об этом можно высказать и высказывался уже ряд предположений. Надпись № 64 нашего Корпуса дает одно из обоснований: здесь прозвище является наградой за заслуги. В 306 г. некий Сог посвятил модельню «богу всевышнему». Жизнь Сoga была очень пестрой, 16 лет он провёл на чужбине (стк. 15) и много испытал. Сначала его имя было Аврелий Сог, его отца звали Олимп. За свою деятельность в Феодосии Сог получил титул «знакомый августов». В дальнейшем в награду за заслуги ему даровано было право называться Аврелием Валерианом, одновременно он получил и титул Олимпиан — производное от имени отца. Этим он прикрыв свое неримское происхождение. Тогда Сог занимал должность эпарха. Титул эпарха, которым был наделен Сог, указывает на его принадлежность к армии, так как соответствует римскому *praefectus*. Занимая эту должность, Сог претерпевает ряд трудностей и лишений (*θλίψεις* от глагола *θλίβειν*). Это слово означает осложнения, вызванные как военными действиями, так и другими причинами. В нашем тексте это скорее всего последствия войны. Военное значение слова *θλίβειν* подтверждается следующими примерами: OIG, 332, 54 — говорится о войсках, пострадавших (*τῶν θλιμμένων*) от войск фракийцев; Syll., 700, 35 — «не желая подвергать города затруднениям в снабжении»; там же, 700,15 — «так как страдали по этой причине солдаты» (*θλιβομένων*). Возможно, что появление имени «Олимпиан» указывает на присвоение Согу всаднического звания. Поступление в армию влекло за собою присвоение римского родового имени³.

² R. Calderini, Ricerche sul doppio nome personale nell'Egitto greco-romano, «Aegyptus», XXI (1941), стр. 221—226; «Aegyptus», XXII (1942), стр. 3—45; W. Chr., I, 265, 7: *ἐπικαλούμενος* 'Εριπώλης — «прозванный торговцем перстью». Это не имя, а прозвище по прежнему занятию.

³ Y. Biezunska-Malowist, La famille du vétérân romain C. Iulius Niger de Karanis, «Eos», XLIX (1957—

Мы видим, как ранее малоизвестный Сог, сын Олимпа, проходя военную службу, приобретает новые прозвища и имена. Будучи эпархом, он называется ὁ καὶ Ὀλυμπιάδης. Отец его был уже не простым «туземцем», но выходцем из той среды Пантикапея, которая была тесно связана с греческой верхушкой города. На это указывает греческое имя Олимп. Из эллинизированного слоя местного населения Восточного Средиземноморья рекрутировалась часть представителей римской знати, которой так или иначе удавалось пробраться на видные должности в родном городе. Большая заслуга в деле объяснения этой надписи принадлежит Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевичу.

Очень интересен случай из эллинистической военной практики в Египте, отмеченный итальянским папирологом Траверса⁴: у отца по имени Σόρος три сына. Один из них до поступления в армию носит египетское имя Нил. Сделавшись солдатом, он принимает греческое имя Полемах («военачальник»), которое, по словам издателя, «превосходно подходит, как имя солдата». Это имя, вероятно, взято по выбору вновь испеченного солдата. Можно думать, что туземное египетское имя Нил компрометировало солдата, выдавая его неримское происхождение. В перечне имен детей далее идет имя следующего сына Σόρος — он получил имя отца, что часто бывало. Третий сын был назван Серационом. Житель египетского города Филадельфии до поступления в войска носил имя Антон, сын Эпимаха. Сделавшись матросом римского флота, он пишет своим родителям, что отныне он зовется Антоний Максим.

Имена не всегда дают возможность установить социальное положение их носителя. Однако нередки случаи, когда имена боспорских «туземцев» говорят об их происхождении из рабов или вольноотпущенников. Так, например, имя Φιλοδέσποτος (№ 1179, 35), как показывает № 1021, 6—7 — Φιλοδέσποτος θρεπτός («любящий своего господина»), имело смысл только в том случае, если носитель его был в данное время или в прошлом рабом. Имя Σωσίας в эллинистической ономотологии и в более раннее время давали рабам (№ 145 В: Σωσίας ἀπελευθέρους Στρατονίκου, см. комментарий).

Много встречается в Корпусе прозвищ, которые, однако, издателями не признаются за таковые. Так, в № 1264 читается имя Ὀρτύγας, которое уже раньше обратило на себя внимание исследователей.

Л. Згуста⁵ пишет, что Ὀρτύγας этимологически связано со словом «перепелка». В этой заметке несколько недоразумений. Правильно, по-видимому, сопоставление этого слова со словом «перепелка». Но Ὀρτύγας является сокращением прозвища такого типа, как Ὀρνιθᾶς — «продавец птиц». Догадка Згусты весьма заманчива, но при этом возникает несколько неудобств: параллельная форма Ὀρτυκας и необходимость поставить акцент в конце слова. При желании сохранить догадку Згусты надо было бы толковать это прозвище, как «торговец перепелками».

В надписи № 82 мы читаем имя Папас, сын Димитрия, причем издатели имя отца Папаса уточняют словом Монохорд, неправильно принимая его за имя. Такого имени нет. Слово «Монохорд» обозначает музыкальный инструмент с одной струной, который служит для настройки струнных инструментов. В таком смысле это слово часто встречается (см. словари). По-видимому, это несколько шутовское прозвище Димитрия.

Самые замечательные в боспорских надписях — большое количество иногда очень сложных имен. Среди этих имен встречаются как местные, так и греческие. «Туземные» имена с трудом поддаются объяснению, так как они или фракийского, или скифского, или иранского либо другого происхождения и потому остаются часто неразгаданными. Греческие имена имеют обычно вполне прозрачное значение. В большинстве своем они, как и в других частях эллинистического мира, производятся от имени богов. Надписи с греческими именами часто содержат и негреческие элементы. Наличие греческих имен свидетельствует о том, что такие надписи относятся к местам с греческим населением, т. е. к городам Боспорского царства.

В надгробиях мы часто встречаем, что, как и в другие времена, отец и сын носят одно и то же имя, будь оно греческим или негреческим. Например, № 483 — «Памфил, сын Памфила, прощай!». Иногда имя отца и имя сына одинакового этимологического происхождения. Например: «Мастарус, сын Мастуса, прощай!». Оба имени, как мы видим, довольно близки, но не одинаковы; оба имени негреческие. Иногда родство упоминаемых в надгробии лиц ясно по смыслу имен, а не по звучанию. Например, № 356: «Арескуза, сестра Пиета, и брат Госий, прощай!». Оба мужских имени означают человека праведного и верного. Для подобных рассуждений боспорская ономотология дает много примеров, и, может быть, следовало бы на таких случаях подробно остановиться.

1958), стр. 155—167; M. Lambert, «Glotta», V (1913), стр. 108—Mitteis. Chr. 372, col. IV.

⁴ A. Traversa, Documenti greci inediti della collezione papirologica osloensis, «Symbolae Osloensis», XXVII, стр. 100.

⁵ L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 403, № 1110.

Часто дед и внук носят одинаковые или родственные имена: № 1179, стк. 32 — Гермес и Агафус, сыновья Хрестииона, сына Гермеса (дед и внук носят имя Гермес); стк. 36 той же надписи — Эрот, сын Фарнакиона, сына Эрота (дед и внук носят имя Эрот). То же в № 323 и 327.

Бывает и так, как в надписи № 426: сходство имен распространяется на отца и дочь: «Феоника, дочь Никия, прощай!». В имени отца и дочери одинаковый слог «ник».

По-видимому, в ряде надписей можно путем более внимательной интерпретации, учитывая обычаи местных жителей, а иногда и общеэллинистические, добиться большей ясности толкования структуры семьи. Так, кажется, удалось несколько уточнить степень родства в надгробии № 500. Думається, что и надгробие № 499 позволит добиться большей ясности. В транскрипции издателей и их же переводе мы читаем: «Промеф, сын Агафа, и брат Агафа Промеф, прощайте!». Получается, что памятник был поставлен Агафом на могиле своих брата и сына, носивших одинаковые имена. По-видимому, сын Агафа Промеф получил свое имя от деда, носившего также имя Промеф, хотя в надписи об этом не упоминается.

Промеф

Агаф Промеф (имя отца)

|

Промеф (имя деда)

Стемма составлена на основании № 1179, стк. 32 и 36.

При объяснении надписи № 710 издатели допускают два толкования. Привожу текст: «Филофему, он же Леонак, вольноотпущеннику Менофила, эту стелу поставил брат Понтикион памяти ради в 440 году». В комментарии остается открытым, был ли Понтикион братом умершего Филофема или его хозяина Менофила. При внимательном чтении, однако, придется склониться к тому, что Понтикион был братом Менофила (как думал И. И. Толстой). Интересно отметить, что имена вольноотпущенника и хозяина этимологически родственны (слог «фил» в обоих именах). Видимо, имя получил бывший раб по имени бывшего господина при отпуске на волю (см. № 145).

Широко распространенный обычай давать ребенку имя отца позволяет сделать вывод о произношении некоторых имен. Так, в надписи № 494 назван Гермоген, который был сыном Эрота. Упомянутый нами обычай позволяет предположить, что, по мнению автора этой надписи, имена Эрот и Гермоген, как одинаково звучащие, имеют одинаковое начало, т. е. что густое и легкое придыхание звучали одинаково. На ту же мысль наводят имена в надписях № 687, 402, 890 и других.

Нам кажется, что некоторые из имен надгробий получили неправильное объяснение в Корпусе. Так, в надписях № 370, 537, 656 встречается эллинистическое имя Ἀφροῦς. Это имя — интимное наименование отца, даваемое сыном. Оно соответствовало нашему «папочка». Попытки некоторых исследователей объяснить это написание этимологически до сих пор не давали удовлетворительного результата. Не приходится уже говорить о несерьезной этимологии Геродiana Ἀφροῦ — ἀφ' οὗ ἐφρ. Сама мысль Геродiana понимать это слово как обозначение отца устами ребенка подтверждается тем, что это слово было весьма распространено в эллинистическом мире. Правильно дается в комментарии к № 537 ссылка на большое количество примеров в словаре Прейзике, и Згуста (ук. соч., стр. 295—296), несомненно, неправ, подыскивая «туземные» объяснения этимологическим.

Редакция Корпуса относится либерально к некоторым приводимым «разночтениям», не признавая их научность. Так, надпись № 838 читается в Корпусе: «Гликарнион, рыбака (?), получил омен (?». Объясняется это чтение следующим образом — рыбакиному Гликарниону посчастливилось в ловле какой-то морской рыбы, которая якобы называлась омен. Но это, несомненно, неправильное истолкование, потому что такой рыбы греческий язык не знает. В надписи № 625 приводится неправильное допущение, что Ἐρώτους дочь Эрота (?), причем в объяснении сказано, что эта форма, может быть, передает местное произношение. Но мы такого произношения нигде не встречали. Правильнее было бы считать это просто ошибкой. Поражает, что в надписи № 74 стк. 7 допускается невозможное написание $\alpha\lambda\iota\upsilon\sigma\langle\rho\rangle\alpha\lambda\upsilon$. В № 981 стк. 6 допущено в текст слово, которое сам издатель забраковал — $\epsilon\upsilon\sigma\tau\rho\alpha\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\omicron\varsigma$. В № 1122 стк. 6 допущено греческое слово, немыслимое в том значении, которое придает ему А. И. Болтунова, как указывает А. И. Доватур ($\pi\lambda\epsilon\iota\omega[\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha]$).

№ 645 — эта надпись в основном правильно истолкована в Корпусе. Мы узнаем из нее, что Хедра, жена Бостакона, и их дочурки Дамофила, Кахион и Икониион умерли. Об этом, очевидно, сообщает отец семейства. Я очень рад, что А. И. Доватур в истолковании имен Кахион и Икониион присоединяется к моему пониманию, но думается, что можно еще уточнить смысл последних двух имен. Ясно, что Дамофила — имя взрослого человека, потому что оно имеет форму обычных женских имен. Резко отличаются второе и третье имена. Почему имя взрослой дочери дается в дорическом написании, мы из надписи не узнаем. Для объяснения имени Кахион издатели ссылаются на родственное слово $\kappa\alpha\chi\acute{\alpha}\zeta\omega$. Како-

го рода «смешок» имеется в виду, мы узнаем из комментария к Катуллу (13,5), приведенного издателем В. Айзенхутом⁶. Здесь Катулл в шутиливой форме приглашает своего друга Фабуллу: «Если боги этого захотят (типичная эллинистическая осторожность), привези хорошие и обильные угощения, вино и остроумные шутки вместе со всем тем, что вызывает веселье (cachinnis «Stoff zum Lachen»)). Кахион — такое маленькое существо, которое вызывает смех умиления. У Катулла в стихотворении 64,273 мы понимаем, что автор стихов называет cachinni «шелест», «легкое журчание воды».

Надпись № 798 состоит из одного слова μέλημα. Начиная с В. В. Латышева, издатели понимают его как женское имя, начертанное на надгробии. Издатели Корпуса правильно видят в нем ласкательное прозвище отпущенницы или рабыни. Буквальный перевод означает «Забота». Но приведенные в комментарии параллели не вскрывают особо нежный характер этого слова. Только если поставить это слово в один ряд с выражением «моя забота», сохраненным у Сафо, и с латинским словом «сига», частым у римских лириков, мы получаем полное звучание этого выражения. Это «тоска», «заботушка», вызываемые любимой женщиной. В таком значении мы встречаем это слово у Проперция⁷. В словаре Лиддл — Скотт слово μέλημα переводится «object of care, beloved object, darling».

В стихотворной надписи № 121 стк. 2 мы читаем κριμάτων с кратким «и». Следовало бы, по-моему, указать, что такое написание встречается и у поэта Нонна⁸.

Надпись № 732: «Тертий, сын Руфа, тиец, судовладелец, 62 лет. Стелу же прислали родственники памяти ради». Думаю, что обычное толкование об импорте надгробной стелы здесь необязательно. Гораздо более вероятно, что покойник погиб вдали от родины (может быть, утонул?) и эта надпись как надгробие увенчала кенотаф.

Надпись № 740 — издателям хорошо известно правило, о котором пишет Р. Кернер, что при постановке обоих имен в родительном падеже Ζήνωνος, Πλάτωνος нельзя окончательно решить, является ли второе имя именем деда или более старого предка, или мы здесь имеем де-

ло с прозвищем первого из названных лиц⁹.

Надпись, которую мы цитируем, содержит два имени в родительном падеже, перед вторым именем стоит артикль родительного падежа второго имени, следовательно, согласно только что приведенному стилистическому наблюдению, второе имя должно быть именем деда или прозвищем владельца первого имени. Возникает вопрос, почему здесь нет имени умершего. Фотография могла бы помочь; но если перед первым именем нет следов другого слова, то очень трудно найти объяснение. Сравни наше замечание по поводу надписи № 82 (на стр. 179), где мы толкуем слово «монохорд» как прозвище. В нашем толковании отцом Папаса был Димитрий, а прозвищем Димитрия является «монохорд», в Корпусе же последнее слово толкуется ошибочно как имя деда Папаса. Другое дело — № 740. Здесь явно два имени в родительном падеже — «Гедифила, сына Сосипатра». Гедифил может быть родительным падежом имени отца покойного, а Сосипатр — именем деда в родительном падеже с артиклем. Решить окончательно вопрос без фотографии невозможно.

Нам кажется, что в Корпусе следовало бы, как и в ряде зарубежных изданий этого типа, пересмотреть переводы некоторых официальных терминов. Это относится к таким словам, как, например, ἴδιος, переводимому обычно «собственный». В словаре нашего Корпуса указано только «passim» и приводится различное ἴδιος. Однако этого недостаточно, так как выражение это следует переводить в зависимости от связанных с ним понятий. Приведем лишь некоторые примеры, не претендуя на исчерпывающую полноту. № 83,9: стела посвящается синодом своему сочлену памяти ради. Здесь слово «своему» — неточный перевод; во всех подобных соединениях надо подобрать более интимные выражения («своему любимому»; № 104,15 издатели переводят «близкому»); № 104,15 издатели переводят «поставили памятник своему брату Симфору, сыну Филиппа». Здесь τὸν ἴδιον φору, сыну Филиппа лучше перевести «родному брату»; также № 941,3—4 τῷ ἰδίῳ ἀδελφῷ; № 941,3—4 τῷ ἰδίῳ ἀδελφῷ; также № 941,3—4 τῷ ἰδίῳ ἀδελφῷ; № 1049,4 лучше перевести «родного бога»; № 1087 — «родному подлиннику владыку»; № 1108,4—5 — «родному другу»; № 1108,4—5 — «родному другу»; № 1108,4—5 — «родному другу». Это — мелочи, но они все же уточняют подлинные мысли и чувства греческого оригинала.

Большой интерес и исключительную сложность представляют стихотворные надписи, которые существенно отличаются по стилю от часто сухого содержания обычных надгробий.

⁹ R. Koerner, Die Abkürzung der Homonymität in griechischen Inschriften, «Sitzungsber. d. Deut. Akad. zu Berlin», 1961, № 2, стр. 21 сл.

⁶ W. Eisenhut, 1958, стр. 119.

⁷ В изд. F. Dornseiff, Lpz, 1958, стр. 190: 2, 34, 9; 2, 16, 2; 25,1; Hor., Carm., 2, 8, 8. См. и у Тибулла, изд. R. Helm, B., 1959: III, 2, 29.

⁸ Nonnos из Панаполиса см. Ch. Schmidt, Geschichte der Griechischen Literatur, 6 изд., II, 2, Münch., 1924. стр. 965 сл.; V. Ch. F. Rost, Griechisch-Deutsches Wörterbuch, Braunschweig, 1874.

Разбор стихов требует большого мастерства, безупречного знания истории греческого языка, начитанности в области греческой литературы и диалектологии. Издатели Корпуса должны были вскрыть степень самостоятельности местных стихов или зависимости их от влияния других языковых сред, степень влияния отдельных диалектов на боспорский язык. Нужна также осведомленность в античной истории. Правда, среди боспорских надписей есть и простые стихотворения. Но некоторые стихотворные эпиграммы настолько сложны, что толкование их потребовало усилий целого ряда крупных ученых. Над некоторыми стихотворениями работали такие специалисты, как В. В. Латышев, А. В. Никитский, П. В. Никитин, С. А. Жебелев, на смену которым пришли наши современные исследователи (Т. Н. Книпович, А. И. Доватур, Д. П. Калистов, В. Ф. Гайдукевич и др.). Эти надписи часто служили объектом споров и обсуждений в мировой филологии, и одно ознакомление с библиографией, заканчивающей комментарий к отдельным памятникам, говорит о масштабе этой работы.

Перейдем к отдельным стихотворениям.

№ 117 — привожу перевод Корпуса: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышавшего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело — могила». Перевод снабжен обширным комментарием, в котором использованы мнения и предложения ряда ученых. А. И. Доватур, доказывая зависимость языка автора этой надписи от языка Гомера, отмечает непривычное употребление слова *περίβλα*, которое обычно применяется в отношении людей или животных в значении: обступить кого-либо с целью защиты (как это уже отметил Латышев — ИАК, 3, 1902, стр. 39). Думаю, что и здесь можно сохранить гомеровский оттенок этого слова: скифская земля окружила Гекатея с целью защиты его от окружающих. Комментарий к этой надписи является образцовым.

Также нам кажется очень удачным комментарий к № 118, дающий ясное представление об умершем, как о человеке большой культуры, философе, излагавшем свое учение в местах наибольшего скопления людей, как это делал Сократ. Это — предшественник Сфэра Борисфенского. Выяснение облика умершего является заслугой Латышева (ИРАИМК, II, 1922, стр. 94). Очень много потрудились над этой надписью А. И. Доватур и Д. П. Калистов.

№ 114: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный. Не лучше ли перевести «оплакиваемый многими»?

№ 125: надгробие посвящено братьям Менодору и Гелиодору, сыновьям Гелиодора. Юноше Гелиодору — 18 лет. Он увлекался наукой. По-видимому, он был

старшим сыном, так как носил имя отца. Младшему брату Менодору, следовательно, было меньше 18 лет. Его намерение вступить в брак указывает на возможность заключения ранних браков на Боспоре. Таким образом, эта надпись проливает некоторый свет на структуру общества на Боспоре. Весьма удачно предположение В. В. Латышева, что стихотворение составлено из двух частей, взятых у «туземных» поэтов, что говорит о наличии местного творчества. Иногда местные поэты использовали одно и то же стихотворение для разных надгробий, меняя лишь имена (№ 127 и 129). Порой в их творчестве чувствуется и влияние распространенных в Греции эпиграмм.

Большой интерес вызывают надписи, предназначенные для кенотафов (см. надпись № 732, приведенную ранее). Надпись № 142 — купец Хрестион, сын Асиатика, умер в земле сираков. «...Меня, купца, Гермес, сын Маи, не проводил домой. А ныне мое имя Хрестиона, сына Асиатика, скончавшегося до брака несчастной смертью на чужбине, каменная хранит стела, на которой оно написано. Но прощай, путник!». Хрестион скончался на чужбине и там же похоронен. Стало быть, на Боспор он не вернулся, т. е. имеет место кенотаф. Обращается стела к случайному прохожему. По-видимому, лицо, поставившее стелу, рассчитывало, что прочитавший надпись попадет в страну сираков и расскажет там о судьбе купца. Надпись хорошо понята и объяснена издателями.

Можно было бы привести много примеров удачной работы над стихотворными эпиграммами. Остановимся только еще на одной. Она заслуживает этого как по своему содержанию, так и по рассуждениям комментаторов, очень поучительным. Мы имеем в виду № 913. Это, пожалуй, самое красивое из метрических надгробий Корпуса: «Гликания, супруга Асандра, у твоей пирамиды я с жадностью выпил воды, идущей из близкого источника, с вином, и, утолив жажду, сказал следующее: и при жизни и после смерти ты спасаешь нуждающихся». Издатели отдали предпочтение чтению и переводу этой надписи, данным В. В. Шкорпиллом и М. И. Ростовцевым. Мы предпочитаем толкование В. В. Латышева, а именно: у могилы любимой жены Асандра построил памятник (пирамиду). Неподалеку протекал ручеек. Отведав воды из него, смешанной с вином, горюющий вдовец утолил свою жажду и высказал пожелание, чтобы Гликания, которая при жизни утешала всех, кто с ней встречался, после смерти также утешала бы всех. Приходится только вместо *σώζ[εις]* дополнить в лакуне *σώζ[εις]* и понимать *σώζειν* как «утешать горе, успокаивать». Источник, вытекающий из-под пирамиды, убитый горем Асандр воспринимает как непосредственное воздействие на него

покойной. Она успокоила страждущего супруга, как это делала при жизни.

№ 992. Помещена надпись в таком виде, как ее когда-то понимала Т. Н. Книпович. Приходится очень пожалеть, что Т. Н. Книпович не напечатала эту надпись в улучшенном издании В. Пеека (ВДИ, 1960, № 3, стр. 141—142). Толкование Пеека принято в SEG, XVIII (1962, № 311) и заслуживает предпочтения.

Богато представленная стихотворная эпиграфика, и не только она, подсказывает мысль о желательности издания книги для чтения (хрестоматии с хорошими комментариями). Это было бы крайне полезное пособие для студентов.

Словарю и грамматическому приложению к Корпусу приходится уделить особое внимание. С тех пор как филологи стали изучать локальные языки, такие исследования приобретают все большее значение. Анализируя особенности языка, мы стараемся избавиться от огульного опорочивания грамматических форм, отличающихся от школьных традиций. Какие формы написания знает Боспор, когда появляется то или иное разночтение, под влиянием каких причин образуется та или иная диалектная форма — изучение всего этого вносит ясность в историю развития языка. Законы иотацизма, когда и где удваивались согласные, выпадение гласных, особенности склонения, спряжения, стилистические особенности составляют предмет изучения исторической грамматики. В Корпусе все эти языковые материалы нашли достаточно полное отражение и являются ценным вкладом в лингвистическую библиографию.

Указатели распадаются на ряд тем. Историко-религиозные дают возможность путем сличения со списками богов других местностей показать самостоятельность боспорской идеологии или степень зависимости ее от идеологии других государств. Родство написания культовых терминов облегчает сравнение религиозных представлений.

Этнические термины обогащают наши

знания о взаимоотношениях между Боспорским царством и другими странами, об экономической заинтересованности Боспора в истории соседних городов-государств и т. д.

Очень важным разделом является перечень государственно-правовых терминов, свидетельствующий о ходе развития государственного строя на Боспоре. Здесь мы встречаем родственные с эллинистическими государствами установления. Интересно отметить, что на Боспоре при очень неразвитом юридическом мышлении неуклюже обозначаются отдельные стороны правления (например, ἐπὶ τῆς Γορύλλειας, ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας).

Совсем неизученным материалом являются списки личных имен. Особый интерес представляют женские имена. На основании списков нашего Корпуса, вероятно, удастся объяснить появление таких женских имен, как Рим, Александрия, Италия, Амасия (№ 337), Лисимахия (№ 454) и других. Чем вызван интерес к тому или иному городу? Обращают на себя внимание отвлеченные понятия, которые стали именами женщин (Ἀγάπημα, Ὀμόνοια, Παρρησία, Φιλοβία, Χαρισσύνη).

Перечень слов, подготовленный А. И. Доватуром при участии И. А. Шиповой, можно сопоставить по добросовестности, с которой он составлен, с лучшими лексикографическими изданиями филологической науки. Это не словарь в узком смысле слова, а исчерпывающее перечисление слов со всеми разночтениями, описками, историческими стадиями написания. И если в предисловии издатель говорит о том, что задача Корпуса заключается в подготовке для ученого материала, который мог бы лечь в основу будущих исследований, то это в такой же мере относится и к приложениям к Корпусу.

В заключение еще раз повторяем, что Корпус в целом представляет собой ценный вклад в филологическую и историческую науку, за который можно поблагодарить энергичных его составителей.

О. О. Крюгер

ПЛУТАРХ И СВЕТОНИЙ В НОВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ¹

ПЛУТАРХ. *Сравнительные жизнеописания в трех томах.* Издание подготовили С. П. Маркиш, С. И. Соболевский и М. Е. Грабарь-Пассек, М., Изд-во АН СССР, 1961, 1963, 1964, 504 стр., 548 стр., 546 стр., цена 2 р. 20 к., 2 р. 51 к., 2 р. 30 к.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ. *Жизнь двенадцати цезарей.* Издание подготовили М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман, М., Изд-во «Наука», 1964, 376 стр., цена 2 р. 10 к.

Плутарх и Светоний были современниками и работали в одном и том же жанре. Трудно, однако, найти двух авторов, которые меньше походили бы друг на друга.

За каждым из них стоит не только свой комплекс литературных традиций, но и свой стиль жизни и мировоззрения, в обоих случаях очень последовательный.